

Энди стоял у моего класса, держа в руках небольшую сумку с книгами. Он посмотрел на часы. - Ты опоздала.

Пытаясь выразить свое презрение, я выплюнула: - Это повлияет на твою маленькую игру?

Его ответ был ровным. - Нет. Как прошло выступление Брюса вчера вечером?

- О чем ты говоришь?

- Когда ты и твой парень вернулись домой, как он? Он удовлетворил тебя в постели?

- То, что происходит между Брюсом и мной, не твое дело.

- Я так и думал, ты выглядела возбужденной, а он не поднял на тебя глаз.

Я уставилась на него. Он вошел в мой класс, я последовала за ним. Он сидел в моем кабинете, в кресле напротив моего стола, несомненно, он будет полностью виден любому проходящему мимо. Я сидела за столом, пытаюсь утвердить свой авторитет. Эндрю вытащил из рюкзака шкатулку с драгоценностями и термосумку.

- Эндрю, что тебе нужно?

- Это неправильный вопрос, госпожа Каминская. Мне интересно путешествие, посмотрим, куда оно нас приведет.

- Что это за дзенская чушь?

Он, казалось, не беспокоился. - Надень это, - он подвинул шкатулку с драгоценностями ко мне через стол. Я открыла ее. Внутри лежали два маленьких золотых металлических предмета.

- А это что?

- Зажимы для сосков, мисс Каминская, для вашей груди.

- Ты сошел с ума. Я не позволю тебе сделать это.

- Я не собираюсь этого делать, ты сделаешь. Я останусь здесь.

Я подумывала объявить, что игра окончена. Он может говорить то, кому хочет, а я буду жить с последствиями. Но я думала о Брюсе, о своих родителях, о том, как это на них подействует.

Я сказала: - Оставайся здесь, никаких фотографий. - Кивнув, он выключил телефон и положил его на мой стол. Я расстегнула блузку и расстегнула лифчик; мои руки были тверже, чем вчера. Я взяла в руки зажимы. Я слышала о них, но никогда не видела. В середине был небольшой винт, а часть, которая подходила к соску, была покрыта прокладкой. Я прикоснулась к нему, материал оказался на удивление мягким.

- Прежде чем ты их наденешь, лучше всего, чтобы твои соски были твердыми и возбужденными. Приготовь их.

Я посмотрела на него впервые с тех пор, как обнажила грудь. - Ты, должно быть, не в своем уме.

- Не думаю, но если ты не готова, я могу помочь.

- Нет! - Я прикрыла грудь руками. Черт, они уже разогрелись. Я провела большим пальцем по соску. Он вытянулся по стойке "смирно". Я подавила стон; я не хотела, чтобы Эндрю знал, что я чувствую. Но он все равно заметит.

- Мисс Каминская, тебе повезло, у тебя прекрасная грудь и чувствительные соски. Продолжай.

Я потрогала пальцами соски. Мои груди набухли, светясь сладким розовым цветом; мои маленькие соски и ареолы затвердели от крови. Мой рот слегка приоткрылся, я вздохнула глубже.

- Проблема большинства зажимов для сосков в том, что они перекрывают кровоток, делая соски онемевшими. Это — современная модель, они решили проблему. У них есть внутренняя пружина. Примерно каждые пятнадцать минут они проводят повторную калибровку. Это занимает около минуты, и за это время давление на сосок уменьшается, обеспечивая приток крови.

Он был бесстрастен, аналитичен. Я чувствовала себя экспериментом. Я должна была вернуть нас к реальности. Я посмотрела на зажим, потом на него. - Это безумие. Тебе это никогда не сойдет с рук.

Он продолжал: - Подумай об этом. Стоишь перед учениками с зажатыми сосками. Только ты будешь знать, что происходит, что груди хладнокровной профессиональной женщины, которой доверено заботиться о молодежи Америки, зажаты в тисках. Ты так долго была хорошей, что тебе будет приятно быть немного плохой.

Его слова врезались мне в мозг. Он был прав, часть меня устала играть в правильную девочку. Черт, о чем я только думала. Я снова перегрузилась, мне нужно было взять себя в руки. Он пытался манипулировать мной. - Просто скажи мне, как надеть эти чертовы штуки, ублюдок.

Он и глазом не моргнул. - Надень его на сосок.

Я сделала это.

- Поверни винт на четверть оборота.

Я повернула винт ногтем, зажим схватил мой сосок. Боль была острой, но не подавляющей. Я надела второй. То же самое. Жить можно. Затем они начали двигаться. Он сказал, что они перекалибруются, ослабнут, а затем затянутся. Что именно это означало?

И тут я узнала. Зажимы сдвинулись, затем сильно сжались. Первым моим желанием было закричать, вторым — вырвать эти штуки из груди. Первое привлечет нежелательное внимание, второе может повредить мои соски. Вместо этого, закрыв глаза и глотая воздух, я прошипела: - Ты что, совсем с ума сошел? Я не могу стоять перед классом с этим.

Он был абсолютно спокоен. - Ты прекрасно справишься, Хельга. Дай им несколько секунд, и ты привыкнешь.

Он достал из термосумки карамельное мачиатто "Старбакс" и протянул мне. - Я знаю, что ты любишь выпить чашечку кофе в учительской перед уроком, но сегодня это неразумно. Тебе понадобится несколько минут, чтобы приспособиться. По-моему, это твое любимое.

Он был прав. Я упоминала об этом в классе?

Эндрю откинулся на спинку стула и начал обсуждать тему дня: открытие Японии для торговли с Мэтью Перри. Это было сделано, чтобы отвлечь меня, но я не сопротивлялась. Мне нужно было отвлечься. Боль в груди отступила; с ней можно было справиться.

В коридоре слышались какие-то звуки. Дети просачивались в школу.

- Застегни пуговицы, - сказал Эндрю. - Будь осторожна, давление твоего бюстгальтера на зажимы усилит ощущения. Избегай резких движений. Ты дашь своему первому классу тест, который даст тебе время привыкнуть. Прежде чем что-то сказать, подумай, а затем сосредоточься. Это поможет тебе пережить утро.

Мне хотелось закричать, но я прислушалась. Мне нужна была помощь, а Эндрю, похоже, знал, о чем говорит. Я снова защелкнула лифчик, снова застегнула блузку. Когда ткань задвигалась на моей груди, меня пронзила волна боли. Он был прав, мне нужно было действовать осторожно.

Эндрю изучал мою грудь. - Отлично, они совсем не видны. Увидимся на третьем уроке.

Вошел первый класс. Раздав тесты, я последовала совету Эндрю, изложив инструкции короткими, лаконичными, хорошо продуманными абзацами, а затем села за свой стол, оценивая домашнее задание. Минут через десять боль в груди резко уменьшилась. Я закрыла глаза, надеясь, что зажимы соскользнули. Затем они напряглись, впиваясь в мои соски. Это было то, о чем предупреждал меня Энди: пружины перекалибровались. Я скомкала бумагу в руке и издала низкий короткий стон. Дети в первых рядах подняли головы. Одна из них, Патриция, как всегда стильная и в очках, сказала:

- Я все.

В течение часа я узнала, что Эндрю был прав, я постепенно приспособилась к боли, обнаружила, что могу функционировать, несмотря на интенсивные ощущения, гудящие в моем мозгу и груди.

Я ввела второй класс в дискуссию, побуждая студентов говорить, уменьшая нагрузку на себя. Кристи, дочь директора и капитан команды поддержки, что-то говорила. Фред, футболист, поднял руку. Мне не нравился этот парень, его гораздо больше интересовала моя грудь, чем все, что я могла сказать. Даже сейчас его взгляд скользил по моей груди. Когда Кристи закончила, я указала на него.

Зажимы начали перекалибровку.

- Фред, что ты...

Я втянула в рот верхнюю губу.

- ... думаешь...

Зажимы сжались, посылая волны боли через меня. Я схватилась за спинку стула и замолчала. Фредди в замешательстве поднял бровь. Я глубоко вздохнула и закончила.

- ... насчет Кристи-пойнт.

Он начал говорить. Я села, боль медленно отступила, потом я почувствовала ее. Она была крошечной, крошечной из-за дискомфорта, но она была там. Маленькое счастливое жужжание в моей пизде, трепет глубоко во влагище. Я начинала заводиться.

Фредди закончил, за ним последовал кто-то еще, прозвенел звонок, дети вышли, вошел класс Эндрю. Он уставился на меня; я кивнула, показывая, что справлюсь. Я начала свою лекцию о Мэтью Перри, пытаюсь разжечь дискуссию в классе, чтобы сосредоточиться на пульсирующих ощущениях в груди, которые теперь отзывались непосредственно в моем влагище.

Эндрю понял. Он поднял руку, сделал открытый вопрос, который требовал ответа. Поднялась

еще одна рука, я вызвала ее, к ней присоединился третий ученик. Эндрю поймал мой взгляд, улыбнулся, явно наслаждаясь нашей грязной тайной. Я отворачивалась, но мой взгляд всегда возвращался к нему.

Дискуссия в классе продолжалась; я почти не слушала, думая о своих сиськах и набухшей киске. Наступило затишье, все смотрели на меня. Должно быть, кто-то задал вопрос. Я этого не слышала. Я тупо уставилась в пространство, а потом Эндрю высказал свое мнение, что-то о роли сегуна и Императора в усилиях Перри, не обсуждавшееся в сегодняшнем чтении. Кто-то ответил, и дискуссия в классе возобновилась.

Это оставляло мне свободу думать о моих сиськах и пизде, о том, что я не должна заводиться, о том, как чертовски я была возбуждена. Примерно через пятнадцать минут в классе зажимы начали перекалиброваться. Я успокоилась, с нетерпением ожидая момента, когда они укусят меня. Когда они это сделали, я закрыла глаза; дрожь пробежала по моему телу. Я открыла глаза, Эндрю смотрел на меня. Он точно знал, что произошло. Он провел рукой по груди, посмотрел на меня и кивнул.

Я слегка покачала головой.

Он утвердительно кивнул.

Дрожащими руками я потянулась поправить очки, проводя предплечьем по груди. Взрыв, завершившийся в моем сексе, прогрехотал во мне. Я сжала бедра вместе, продлевая ощущение.

Энди улыбнулся и провел рукой по груди. На этот раз я даже не могла притвориться, что отказываю ему. Я провел рукой по груди. Мои соски покалывали, моя киска взорвалась. Я ахнула, несколько студентов повернулись ко мне. Эндрю обратился к какому-то студенту — мне уже было все равно, к кому — и снова привлек к себе всеобщее внимание.

Прозвенел звонок. Класс ушел. Подошел Эндрю. Он протянул мне маленький тюбик.

- Иди в свой кабинет, мастурбируй. Я прослежу, чтобы тебя не беспокоили. Когда закончишь,ними зажимы. При этом обязательно сделай глубокий вдох и медленно выдохни. Твои соски будут болеть. Оближи их, а потом используй этот крем.

Я знала, что должна возразить, но была беспомощна перед своим неистовым желанием. Я пробормотала слова благодарности, исчезла в своем кабинете и быстро и решительно кончила. Я сняла зажимы, облизала воспаленные соски, нанесла лосьон. Они почувствовали себя лучше.

Мое либидо насытилось, я надела свое игровое лицо и вернулась в класс лицом к Эндрю. Я сказала, что это безумие, что это должно прекратиться, но голос у меня был слабый.

Эндрю был не в восторге. - Скоро, госпожа Каминская, но не сейчас. Мы все еще в пути.

- А если я откажусь сотрудничать, расскажу всему миру о Хантере, уйду в отставку, у тебя не будет никакой власти надо мной. Что же тогда?

- Хельга, я не хочу этого, и ты тоже. Скоро все закончится.

Я уставилась на него. Это не имело никакого значения.

- Завтра надень трусики и фиолетовое платье "Девятый Запад".

Я знала, чего он хочет. Платье было скромное, без рукавов, свободно свисало ниже колен.

* * * *

<http://tl.rulate.ru/book/1567/48312>